

«Золотое сердце России мерно бьется в груди моей»

(К 140-летию Николая Гумилёва)

*«Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста».*

(Николай Гумилёв)

*«То был воитель по природе, человек необыкновенной
активности... и почти безумного бесстрашия...»*

(К. Чуковский о Гумилёве)

1. ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА ПОЭТА

Я часто думаю о том, почему сегодня некого даже близко поставить рядом с мастерами слова – поэтами Серебряного века, судьбы которых были изломаны войнами и революциями?!

Неужели, действительно, только великие глобальные события рождают великих личностей и великих поэтов?

А. Блок и С. Есенин, И. Бунин и М. Цветаева, В. Маяковский и О. Мандельштам, Анна Ахматова и Николай Гумилёв! Их судьбы, их творчество

выпали на грозные, переломные исторические времена. Стали бы они тем, кем стали, живя сегодня среди нас, среди наших не самых бурных на великие события дней? Один из них – Николай Гумилев – точно бы не стал!

Почему? Потому что он был рожден для подвигов и славы ровно 140 лет назад! В эти юбилейные дни я хочу поделиться своими мыслями о Николае Гумилёве, поэте и человеке блестящей и трагической судьбы!

Как и ранее, примем сокращение в этой статье: Николай Гумилёв – Н.Г.

Это было еще до начала возвращения российскому кругу читателей произведений Николая Гумилёва. В самом начале 80-х годов 20 столетия я часто ездил в Москву на так называемые «чёрные книжные рынки» в районе Измайловского парка, чтобы раздобыть ту или иную страшно дефицитную по тем временам книгу. Именно в одну из таких поездок мне посчастливилось выкупить здесь самиздатовский двухтомник, казалось бы? навечно запрещенного в СССР Николая Степановича Гумилёва. Это были его стихи, напечатанные на старой печатной машинке (компьютеров и ноутбуков тогда ещё не было и в помине), причём видно было, что мне достался далеко не первый экземпляр, сделанный под чёрную копировальную бумагу... Впрочем, несмотря на всё это, радость переполняла мое сердце заядлого книголюбца – охотника за редкими изданиями.

И вот прошло всего пять лет, и в СССР случилось чудо – первая публикация стихов Николая Гумилёва.

В апреле 1986 года произошла литературная реабилитация «контрреволюционного» поэта Николая Гумилёва, приуроченная к его 100-летию. 15 апреля 1986 года в газете «Литературная Россия» (издание Союза писателей РСФСР) впервые в истории Советского Союза были опубликованы стихи этого репрессированного поэта.

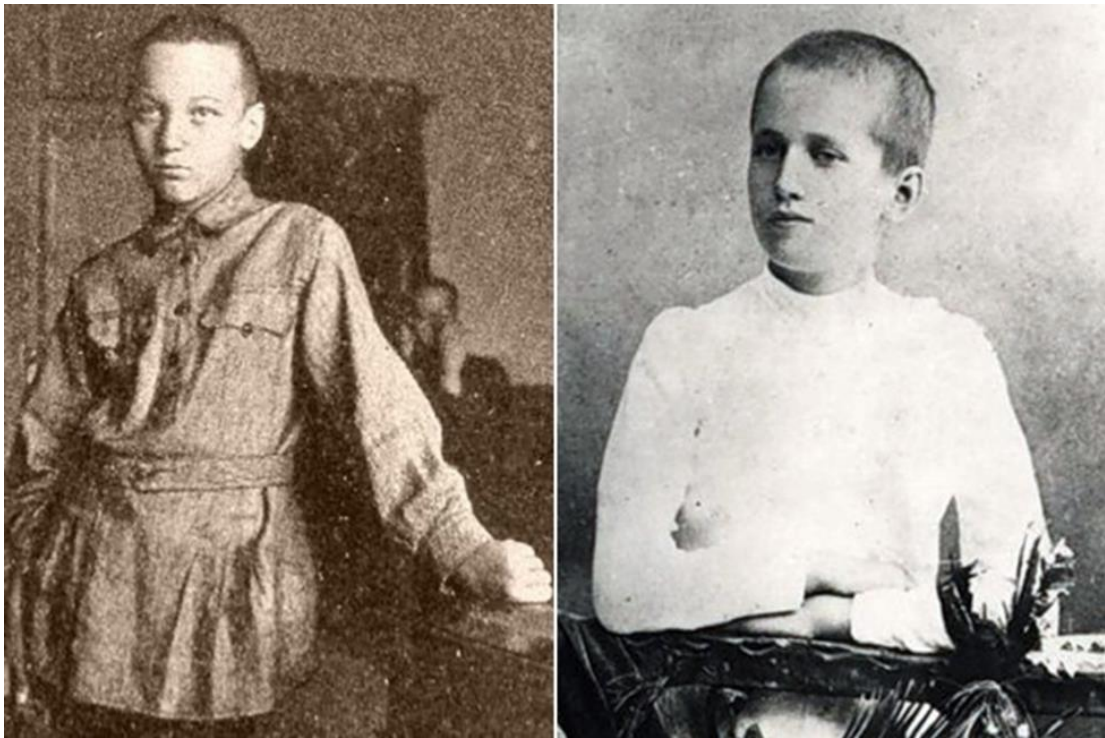
Сейчас уже закончился период, когда вокруг имени Николая Гумилёва было, пожалуй, больше внешнего ажиотажа и внимания к нему как к любому запретному плоду, как к жертве большевистского террора, как к вечному антагонисту Александра Блока и даже как к мужу Анны Ахматовой, посвятившей ему немало лирических шедевров. Витало в воздухе и полудетективное любопытство в виде интригующих вопросов: сфабриковано все-таки или нет «дело Таганцева»? Участвовал Гумилёв в подготовке контрреволюционного мятежа или нет?

2. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖИЗНЬ И НЕОБЫЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

А начиналось ровно 140 лет все именно так.

Ночью, 15 апреля 1886 года, в семье корабельного врача Степана Яковлевича Гумилёва в Кронштадте родился мальчик. Говорят, няня под истошный вой ветра

и громыханье ставень, крестясь, причитала: *«Господи, Матерь Святая заступница, спаси и сохрани!»* И предрекла: *«Видно, лихая жизнь будет у мальчонки».*

Мальш Коля Гумилёв постоянно держал родителей в страхе и тревоге – рос хилым, болезненным. Даже на втором году жизни не мог стоять в кроватке. Боялся любого шума, и случалось, ребенку закладывали уши ватой и даже днем окна его комнаты закрывали ставнями. Мальчика неотступно мучили необъяснимые головные боли, он плохо говорил – шепелявил и не мог произнести все буквы. Спустя много лет Николай Гумилёв вспоминал: *«Меня очень баловали в детстве. <...> Больше, чем моего старшего брата. Он был здоровый, а я – слабый и хворый. Ну, конечно, моя мать жила в вечном страхе за меня и любила меня фантастически...»*

Страдал Коля от своей хилости не только физически. Обидно было во всем уступать сверстникам. Любое поражение в играх оборачивалось страданием. В семь лет упал в обморок, когда, состязаясь в беге, соседский мальчишка обогнал его. Мириться с этим было горько. И он, заносчивый, обуянный гордыней, ополчается на самого себя, на жалкую свою судьбу, сулящую одни унижения и утраты. Бросает ей отчаянный вызов – он сделает все для преобразования из заморыша и рохли в героя.

«Не отмай героя в своей душе. Храни свято свою высшую надежду». Еще не скоро прочтет он это у Ницше и примет как напутствие. Но уже сейчас, не умея

выразить словами, он подспудно осознает главную формулу своей жизни: *человек есть то, что должно быть преодолено.*

И решит твердо, бесповоротно: телесная немощ послана ему как испытание, укрепляющее дух. Жертвенность – путь, предназначенный для него Богом. И он сотворит себя сам – НОВОГО! Победит все эти мерзкие страхи. Поэтому самоистязание для него – чуть ли не смысл жизни. Он откроет и примет его для себя навеки, еще не ведая ни о Ницше, ни о ницшеанстве. С яростью, безжалостно сотрет в порошок того боязливого заморыша из детства, которого он и знать не хочет, а возродится могучим, готовым на подвиги рыцарем.

Идея преодоления становится главной в его судьбе. И еще – идея ВЫБОРА, всегда экстремального, жертвенного и бескомпромиссного.

Через много лет Николай Гумилёв раскроет этот секрет поэтессе Ирине Одоевцевой: *«Я мучился и злился, когда брат перегонял меня в беге или лучше меня лазил по деревьям. Я хотел все делать лучше других, всегда быть первым. Во всем. Мне это, при моей слабости, было нелегко. И все-таки я ухитрялся забираться на самую верхушку ели, на что ни брат, ни дворовые мальчишки не решались. Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость».*

Меня всегда поражали в Н. Гумилёве эти жизненные несоответствия, это стремления вырваться из человеческих слабостей и ворваться в первые ряды героев!

И вот неожиданное подтверждение своим этим мыслям я нашел в воспоминаниях друга Н. Гумилёва – Георгия Иванова, который писал уже после трагической смерти поэта:

«Двадцать седьмого августа тысяча девятьсот двадцать первого года Гумилёв был расстрелян. Ужасная, бессмысленная гибель! Но, в сущности, для биографии Гумилёва, такой биографии, какой он сам себе желал, – трудно представить конец более блестящий. Поэт, исследователь Африки, георгиевский кавалер и, наконец, отважный заговорщик, схваченный и расстрелянный в расцвете славы, расцвете жизни...

Не знаю, доброй или злой была фея, положившая в колыбель Гумилёва свой подарок – самолюбие. Необычайное, жгучее, страстное. Этот дар помог Гумилёву стать тем, чем он был, этот дар привел его к гибели.

Да! Гумилёв был слабый, неловкий, некрасивый ребенок. Но он задирали сильных, соперничал с ловкими и красивыми. Неудачи только прищипывали его.

Гумилёв-подросток, ложась спать, думал об одном – как прославиться. Мечтая о славе, он шел утром в гимназию. Часами блуждая по Царскосельскому парку, он воображал тысячи способов осуществить свои мечты. Стать полководцем? Ученым? Взорвать Петербург? Все равно что, только бы люди повторяли имя Гумилёва, писали о нем книги, удивлялись ему.

Понемногу в его голове сложился стройный план завоевания мира. Надо следовать своему призванию – писать стихи. Эти стихи должны быть лучше всех существующих, должны поражать, ослеплять, сводить с ума. Но надо, чтобы поражали людей не только его стихи, но он сам, его жизнь. Он должен совершать опасные путешествия, подвиги, покорять женские сердца.

Этим детским мечтам Гумилёв, в сущности, следовал всю жизнь. Только с годами убывающую уверенность в себе стала сменять уверенность в человеческой глупости.

Гумилёв говорил, что поэт должен «выдумать себя». Он и выдумал себя, настолько всерьез, что его маска для большинства его знавших (о читателях нечего и говорить) стала его живым лицом. Только немногие близкие друзья знали другого Гумилёва – не героя и не африканского охотника».

3. КОНКВИСТАДОР, ВОИН И ТОНКИЙ ЛИРИК!

Вот наглядный пример такой гумилёвской маски-перевоплощения – его знаменитый «Сонет»:

*Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.*

*Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,*

*Я, конквистадор в панцире железном.
И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!*

*Я с нею буду биться до конца
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.*

В этом стихотворении поэт нашел нечто существенное и индивидуальное, что потом навсегда осталось в гумилёвской лирике: находкой, как ни странно, была МАСКА! Да – МАСКА, на этот раз маска конквистадора – надменного, неуязвимого и бесстрашного покорителя далеких пространств.

Помните эти слова Н.Г.: *«Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость»*. И вот живое подтверждение его смелости. Во время поездки в Африку в 1913 году Гумилёв побывал в эфиопском городе Шейх-Гуссейн. Там его привели в гробницу святого Шейх-Гуссейна, в честь которого и назвали город. По преданию, из пещеры, в которой был похоронен святой, не мог выбраться ни один грешник. Гумилев так вспоминал свой визит в гробницу Шейх-Гуссейна: *«Надо было раздеться и пролезть между камней в очень узкий проход. Если кто застревал – он умирал в страшных мучениях: никто не смел протянуть ему руку, никто не смел подать ему кусок хлеба или чашку воды... А я вернулся. Тогда еще с усмешкой подумал: „Значит, не грешник. Значит, святой“»*.

В начале Первой мировой войны Гумилёв поступил добровольцем в уланский полк, в действующую армию. По воспоминаниям сослуживцев, его всегда влекло к опасности. Он был награждён двумя Георгиевскими крестами за храбрость и получил офицерское звание. В газете «Биржевые ведомости» публиковались его хроникальные очерки «Записки кавалериста». В 1916 году вышла книга «Колчан», в которой наряду с итальянскими путевыми зарисовками впервые начинает звучать русская тема в душе поэта, защитника Отечества.

5 апреля 1910 года 24-летний поэт женится на А.А. Ахматовой. В лирике Гумилёва властно и неотступно «до самых последних дней» присутствует образ жены:

*Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.
Несложный и неторопливый
Так странно плавен шаг ее,
Назвать ее нельзя красивой,
Но в ней все счастье мое.*

Конечно, они оба были слишком свободными и индивидуально мыслящими людьми для пары воркующих сизых голубков. Их отношения скорее были единоборством: с ее стороны – самоутверждение, с его стороны – желание не поддаться никаким колдовским чарам и остаться самим собой, независимым и властным... Увы, власть над этой вечно ускользающей от него многообразной и не подчиняющейся никому женщиной была невозможна.

*Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.*

Автор этих строк – Анна Андреевна Ахматова, а муж – это и есть Николай Гумилев. Сын – Лев Николаевич Гумилев – известный ученый, профессор, писатель,

философ. Всех троих их неразрывно связала трагедия послереволюционного времени, после которого Н. Гумилев прожил всего лишь несколько лет.

4. НЕЛЕПАЯ ГИБЕЛЬ

Еще за месяц до расстрела Н.Г., когда ничто не предвещало трагедии, Анна Ахматова, словно предчувствуя его гибель, напишет:

*Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.*

*Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.*

Эти стихи войдут в сборник Ахматовой «Anno Domini MCMXXI», что означает в переводе с латинского «В лето Господне 1921» или «В год нашей эры 1921». То есть, в год гибели Н.Г. Все стихи там будут адресованы Николаю Гумилёву.

3 августа 1921 года, ночью, Николай Гумилёв был задержан Петроградской ЧК по надуманному обвинению, как соучастник *антибольшевистского Таганцевского заговора*. Заговор был сфабрикован сотрудником НКВД Яковом Аграновым.

Хотя все сведения по его участию в антисоветской организации не подтверждены, по сути, вообще ничем. Гумилёв не ушел к белым ни в 1918, ни в 1919 году, его якобы вовлеченность в некий заговор, связанный с Кронштадтским восстанием, основана на словах нескольких современников, ничем не подтвержденных.

Следствие проводилось с нарушением всех процессуальных норм. Ни один свидетель не был допрошен. Факт участия в заговоре Гумилёва юридически не доказан. Единственный документ, на котором строилось обвинение, было показание профессора Таганцева, руководителя этой организации, никем не проверенное и не доказанное. Но даже если считать их достоверными, то в чем, в сущности, обвинялся Гумилёв? – *«Содействовал составлению прокламаций»*. Но известно, что сам Гумилёв прокламаций не писал. *«Обещал связать с организацией»*. Но ведь не связал. *«Получил от организации деньги на технические надобности»*, – но эти деньги нашли при обыске, значит, Гумилёв никак их не использовал. Деньги – единственная улика, но эти 200 тысяч составляли по тем временам смехотворную сумму, на них можно было купить лишь несколько буханок хлеба.

Тем не менее, приговор суда гласил: *«Применить по отношению к гр. Гумилёву Николаю Станиславовичу (даже отчество переврали) как явному врагу народа рабоче-крестьянскую революционную высшую меру наказания – расстрел»*.

Друзья и коллеги напрасно пытались вызволить его из тюрьмы. Анатолий Луначарский, Максим Горький обращались к самому Ленину с просьбой о помиловании.

Говорят, что Гумилёва предупреждали об опасности и предлагали бежать. Передают и его ответ: *«Благодарю вас, но бежать мне незачем»*. В тюрьму Гумилёв взял с собой Евангелие и Гомера. Он был совершенно спокоен при аресте, на допросах и – вряд ли можно сомневаться – что и в минуту казни.

Так же спокоен, как когда стрелял львов, водил улан в атаку, говорил о верности *«своему Государю»* в лицо матросам Балтфлота. Уже зная, что его ждет, он писал жене: *«Не беспокойся. Я здоров, пишу стихи и играю в шахматы...»*

Вместе с 56 обвиненными и признанными врагами советской власти, 25 августа 1921 года талантливый поэт был расстрелян. На стене своей камеры перед смертью он написал: *«Господи, прости мои прегрешения. Иду в последний путь»*. Стихи Николая Гумилёва, поэта, критика и переводчика, советская цензура изъела из обращения уже во второй половине 20-х годов. И только в 1991 году, в связи с отсутствием состава преступления, дело поэта было закрыто.

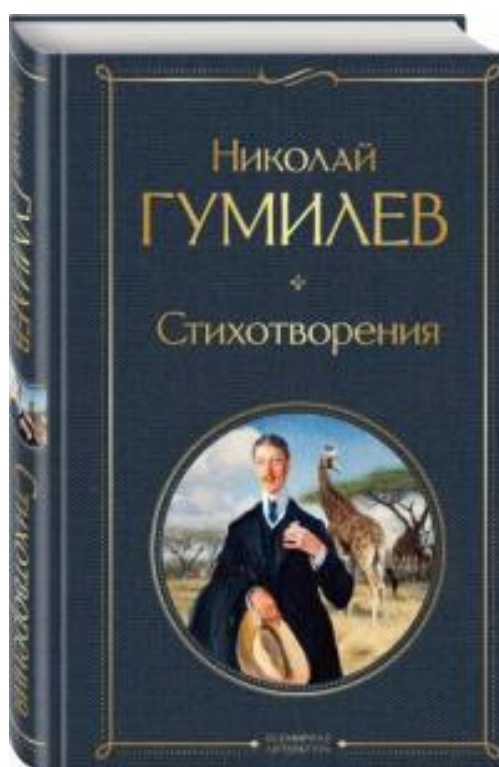
*...И нет на его могиле
Ни холма, ни креста – ничего.*

*Но любимые им серафимы
За его прилетели душой.
И звезды в небе пели:
«Слава тебе, герой!»*

Таким образом Гумилёва тех лет запечатлён в воспоминаниях Ирины Одоевцевой, его «лучшей ученицы», как он сам ее называл.

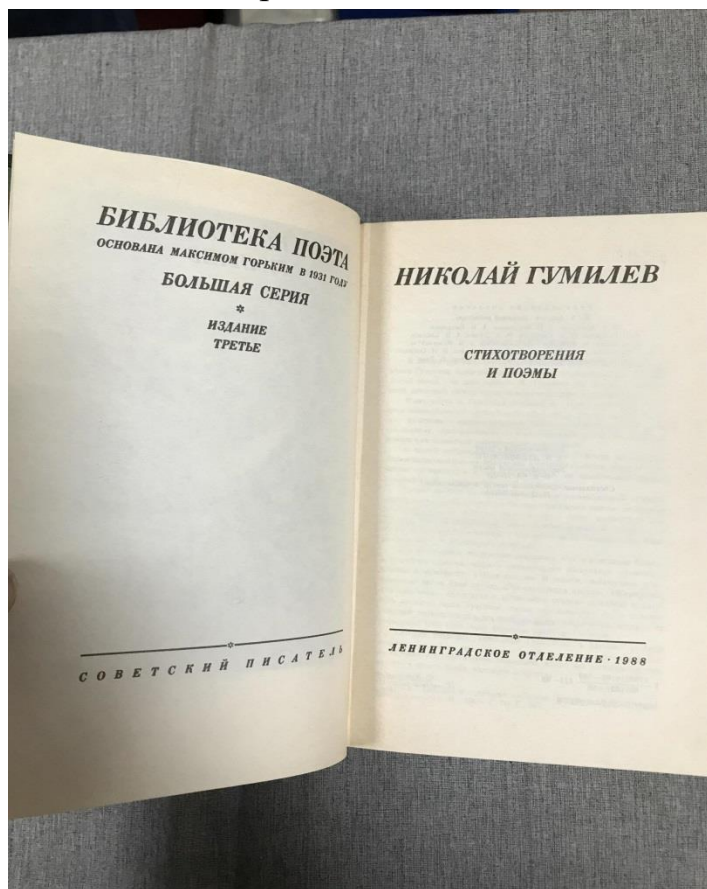
5. ПОРА ЧИТАТЬ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА!

Вот и получается, что 2026 год – юбилейный для Н.Г. сразу по нескольким причинам: не только 140 лет со дня его рождения, но и 105 лет назад, в 1921 году, он был расстрелян, 70 лет (1921 – 1991гг.) его имя было под запретом в России и 35 лет назад, в 1991 году, наконец, закрыто дело против поэта за отсутствием состава преступления. Вот такие круглые, хотя и, в основном, печальные даты.

Ну, а я теперь, пожалуй, обладатель самых полных изданий этого поэта, вышедших в XX веке! А они пошли буквально косяком после более 70-летнего перерыва: в 1988 году в Тбилиси, в знаменитом издательстве «Мерани», выходит его том «Николай Гумилев. Стихи. Поэмы» – объём 493 стр. В 1989 году в издательстве «Современник» выходит первая книга из большой серии «Феникс» (название, говорящее само за себя!) и называется «Николай Гумилев. Стихотворения. Поэмы». В ней 461 страница, много фотографий и комментариев.

А в вышедшем в перестроечном 1988 году томе стихов Н. Гумилёва, в серии «Библиотека поэта», уже более 600 страниц!

Анализируя сегодня стихи Н.Г., я вижу, что в поэзии Н.Г., конечно, нет такой всеобъемлющей народности, как в стихах Есенина, нет такого накала страстей и смелого эксперимента, как в произведениях Маяковского и Цветаевой. Но...

6. ЛЮБИМЫЕ ГУМИЛЁВСКИЕ СТРОКИ

Честно скажу, что, по моему мнению, его творения очень и очень неоднозначны: многие с высоты сегодняшнего дня кажутся уже устаревшими, излишне манерными или вычурными, с какой-то восточной экзотикой, которой на сегодняшний день наши туристы досыта «наелись» в Турции, Египте и других подобных странах. Но есть одно «НО» – остались после Николая Гумилёва несколько десятков и таких стихотворений, которые точно переживут века!

Хочу процитировать хотя бы часть из них! Вот одно из самых моих любимых.

Отравленный

*«Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая*

Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...

*Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью, и выпью с улыбкой,
Всё налитое ею вино.*

*А потом, когда свечи потушат
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельный почувствую хмель...*

*И приду к ней, скажу. «Дорогая,
Видел я удивительный сон.
Ах, мне снилась равнина без края
И совсем золотой небосклон.*

*Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.*

*Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...
И мне сладко – не плачь, дорогая, –
Знать, что ты отравила меня».*

Если вам посчастливится найти прекрасный романс на эти стихи Н.Г. (а он точно существует), то вы сполна сможете насладиться этим творением! Интересно, что с этим стихотворением перекликается и еще одно, в котором также звучит *мотив отравления*:

*Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.*

*Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей*

Бежит отравленная кровь.

*И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,*

*Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.*

Рекомендую послушать прекрасный романс на эти стихи в исполнении Николая Носкова.

Следующее стихотворение Н.Г. в последнее время совершенно справедливо включают во всевозможные хрестоматии по литературе 20 века.

Слово

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.*

*Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.*

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Заметьте, поэт противопоставляет здесь слово и число. Число – нечто земное, возможно, денежное, что принижает нас до повседневного быта, а вот слово – это Бог, и только слово, только поэзия возвышает человека!

Давно уже стало классикой и следующее гумилёвское стихотворение:

Шестое чувство

*Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.*

*Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?*

*Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.*

*Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем;*

*Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья*

*Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;
Так век за веком – скоро ли, Господь? –
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.*

Да, можно сколь угодно анализировать эти строки, а можно просто вспомнить ещё перекликающиеся с ними цветаевские:

*«Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы – и что ей хаты!»*

Вот так они – великие крылатые поэты, словно горние ангелы возносятся над человеческой толпой, «рождая орган для шестого чувства».

7. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ

Ну, и, пожалуй, главный для меня шедевр Николая Гумилёва – это «Заблудившийся трамвай».

Многие наши известные литераторы и критики считают, что это самое таинственное и мистическое стихотворение 20 века!

Заблудившийся трамвай

*Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.
Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.*

*Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.*

*Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят – зеленая, – знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.*

*В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.*

*А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!*

*Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!*

*Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.*

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.*

*И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.*

*Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.*

*И всё ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить. (1919)*

О том, как родилась задумка столь необычных стихов, вспоминала И. Одоевцева. Поэт рассказывал ей, как поздней ночью возвращался домой после застолья у гостей. Вдруг он увидел трамвай, который летел по небу. Видение перенесло его мысли в прошлое, а потом показало будущее. После этого в его голове начали сами собой рождаться строки стихотворения. Текст был написан за 40 минут. Автор не скрывал, что искренне удивлялся таким результатам.

Сначала он вспоминает, как увидел летящий трамвай. Этот образ – символический. В литературе под ним традиционно подразумевают историю. Заблудившийся трамвай – это русская революция! Гумилёв, находившийся в 1918 году за границей, мог спокойно остаться за рубежом, но решил вернуться, говоря: «Ну, ничего, надеюсь, что большевики не опасней африканских львов».

Лирический герой удивляется, как оказался на подножке железного зверя. Удивление сменяется страхом. Мужчина умоляет вагоновожатого остановиться. Но остановить бешеное движение не удастся. Трамвай подвез пассажиров

к странному вокзалу, где торгуют мертвыми головами. В этом эпизоде автор намекает на участие тех, кто пытался «плыть против течения», как он. И герою стихотворения тоже срезают голову.

ВЫСКАЖУ СУГУБО СВОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ, ПЫТАЯСЬ С ПОЗИЦИИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ СРАВНИТЬ «ДВЕНАДЦАТЬ» А. БЛОКА И ЭТО ГУМИЛЁВСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.

Если у А. Блока в поэме чувствуется налет романтизма, обращение к Богу – в поэме фигурируют двенадцать красноармейцев, которые, в некотором смысле, выполняют функции двенадцати апостолов (учеников Иисуса Христа) из Библии, то у Гумилёва – всё куда проще, жёстче и реалистичней. Заблудившийся трамвай русской революции не щадит никого на своём пути – летят головы несогласных с генеральной линией ее партии, невозможно предсказать его движение, «и трудно дышать, и больно жить»...

В этом стихотворении смешалось все: реальность и мистика, Медный всадник и Исаакиевский собор, Россия в образе Машеньки, кровь революции и маленький человек, любовь и грусть, жизнь и смерть....

ДА! КАКАЯ ЖЕ ЭТО ПЕЧАЛЬ, КАКАЯ ЖЕСТОКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЧТО В АВГУСТЕ 1921 ГОДА НЕ СТАЛО СРАЗУ ДВУХ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ: И АЛЕКСАНДРА БЛОКА – 7 АВГУСТА, И НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА, УБИТОГО – 26 АВГУСТА. ВО ИМЯ ЧЕГО, РАДИ ЧЕГО?!

8. САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ

В лихие 80-е годы 20 столетия я часто выступал от нашего Брянского областного общества «Знание» на предприятиях и в организациях нашего города с циклом лекций «Возвращенные имена», среди которых, конечно, был и он – Николай Гумилёв! Говоря о судьбе поэта, я всегда отмечал, что первая мировая война сломала привычный ритм жизни. Николай Гумилев добровольцем пошел на фронт. Его храбрость и презрение к смерти были легендарны. Редкие для прапорщика награды – два солдатских «Георгия» служат лучшим подтверждением его боевых подвигов. В его сборнике «Колчан» нашла отражение темы войны.

И каждое свое выступление о нем я неизменно заканчивал его великолепными чеканными строками из «Колчана» – стихотворением о войне «*Наступление*»:

*Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.*

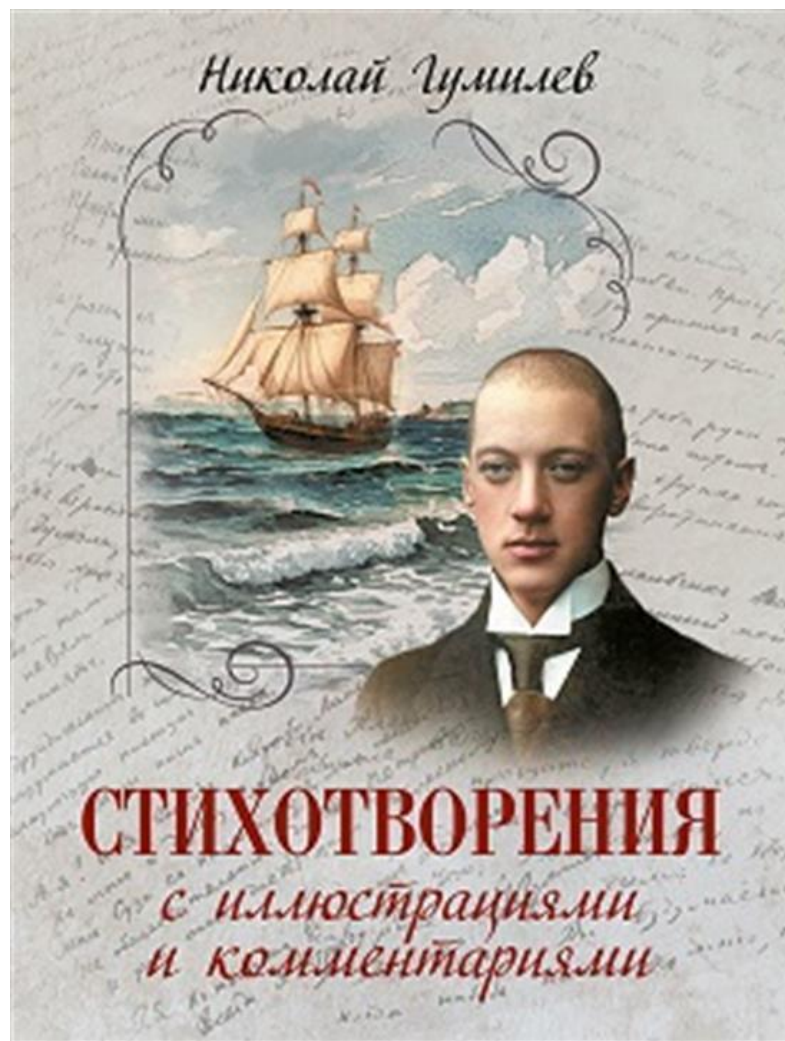
*Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

Воистину, какая мощь и сила заключена в этих великих гумилёвских строках!!! Как верил он в своём тюремном заключении, что «Я, носитель мысли великой, Не могу, не могу умереть». Увы, получилось, что нелепая смерть выше веры.

И всё-таки золотое поэтическое сердце Николая Гумилёва и сегодня, спустя 140 лет со дня его рождения, продолжает «*мерно биться*» в его лучших стихотворных строках!

«*Самый непрочитанный поэт*» – сказала когда-то о нем Анна Ахматова. И нам предстоит еще долго-долго читать, узнавать и открывать его лучшие, бессмертные строки...

С вами был Михаил Лиознов – член Брянской писательской организации СП России, ведущий авторской рубрики «Поэзия – вся! – езда в неизвестное»